

По делу «Раманаускас против Литвы»

Европейский Суд по правам человека¹, рассматривая дело Большой Палатой в составе:

Николаса Братца, *Председателя Большой Палаты Европейского Суда,*

Жан-Поля Коста, *назначенного заседать по делу в качестве судьи от Литвы,*

Христоса Розакиса,
Боштяна Зупанчича,
Пера Лоренсена,
Франсуази Тюлькенс,
Иренеу Кабрала Баррето,
Ризы Тюрмэн,
Корнелиу Бирсана,
Андраша Бака,
Миндии Угрехелидзе,
Антонеллы Муларони,
Станислава Павловского,
Элизабет Фура-Сандстрём,
Ханлара Гаджиева,
Дина Шпильманна,
Ренате Йегер, *судей,*

а также при участии Майкла О'Бойла, *заместителя Секретаря-Канцлера Европейского Суда,*

проведя совещания по делу за закрытыми дверями 28 марта и 12 декабря 2007 г.,

в последний из указанных дней вынес следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 74420/01) против Литовской Республики, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) гражданином Литовской Республики, г-ном Кэстасом Раманаускасом (*далее* — заявитель), 17 августа 2001 г.

2. Интересы заявителя, которому Европейским Судом была предоставлена юридическая помощь бесплатно, при производстве по делу в Европейском Суде представлял г-н Р. Гирдзюшас, адвокат, практикующий в г. Каунасе. Интересы властей Литовской Республики (*далее* — государство-ответчик) представляла г-жа Э. Балтутитэ, Представитель Литовской Республики при Европейском Суде по правам человека.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «РАМАНАУСКАС ПРОТИВ ЛИТВЫ»

[RAMANAUSKAS V. LITHUANIA]

(жалоба № 74420/01)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

5 февраля 2008 г.

Настоящее постановление является окончательным, но в его текст могут быть внесены редакционные изменения.

3. В своей жалобе в Европейский Суд заявитель утверждал, в частности, что он стал жертвой полицейской провокации и что ему было отказано в возможности допросить в судебном заседании ключевого свидетеля по уголовному делу, возбуждённому против заявителя.

4. Жалоба заявителя была передана в производство Второй Секции Европейского Суда (в порядке пункта 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). Данутэ Йочиенэ, судья, избранная в отношении Литвы, отказалась от участия в рассмотрении настоящего дела (в порядке правила 28 Регламента Европейского Суда). Государство-ответчик соответственно назначило Жан-Поля Коста, судью, избранного в отношении Франции, участвовать в рассмотрении дела вместо Данутэ Йочиенэ (в порядке пункта 2 статьи 27 Конвенции и пункта 1 правила 29 Регламента Европейского Суда).

5. 26 апреля 2005 г. Палата Второй Секции Европейского Суда в составе судей Андраша Бака, Жан-Поля Коста, Ризы Тюрмэн, Каре-

ла Юнгвирта, Миндии Угрехелидзе, Антонеллы Муларони, Элизабет Фура-Сандстрём а также при участии Стэнли Нэйсмита, заместителя Секретаря Второй Секции Суда, объявила жалобу частично приемлемой для рассмотрения по существу. 19 сентября 2006 г. Палата Второй Секции Суда уступила свою юрисдикцию по делу в пользу Большой Палаты, при этом ни одна из сторон в деле против этого не возражала (статья 30 Конвенции и правило 72 Регламента Европейского Суда).

6. Состав Большой Палаты был определён в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

7. Как заявитель, так и государство-ответчик представили в Европейский Суд свои письменные замечания по существу дела.

8. Заседание по делу было проведено публично во Дворце прав человека, г. Страсбург, 28 марта 2007 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

От редакции. Сотрудник специального антикоррупционного подразделения полиции под видом частного лица вошел в контакт с заявителем, который работал прокурором, и предложил ему взятку за то, чтобы тот обеспечил оправдание в суде третьего лица. Заявитель сначала отказался, но потом, после того как это предложение ему сделали несколько раз, согласился и принял взятку. За это заявителю был вынесен обвинительный приговор, который оставили в силе суд второй инстанции и Верховный суд Литвы. По мнению Европейского Суда, литовские суды обязаны были, по меньшей мере, рассмотреть вопрос о том, имело ли место подстрекательство заявителя к совершению преступления. Не было никаких доказательств того, что заявитель совершил бы преступление, если его не провоцировали бы к этому. Суд признал осуждение заявителя в уголовном порядке несправедливым и установил факт нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции. Большая Палата постановила, чтобы государство-ответчик выплатило заявителю сумму в размере 30 тысяч евро в качестве компенсации причинённого ему ущерба во всех формах.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

В заседании Европейского Суда в составе Большой Палаты приняли участие:

(а) со стороны государства-ответчика:

г-жа Э. Балтутитэ, Представитель Литовской Республики при Европейском Суде по правам человека,
г-жа С. Бальчуньенэ, консультант;

(б) со стороны заявителя:

г-жа А. Восилютэ, адвокат,
г-н К. Раманаускас, заявитель.

Европейский Суд в составе Большой Палаты заслушал выступления г-жи Балтутитэ и г-жи Восилютэ.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявитель, г-н Кэстас Раманаускас, гражданин Литовской Республики, который родился в 1966 году и проживает в г. Кайшядорисе, Литва.

10. Он ранее работал прокурором в Кайшядорском районе.

11. В своих представлениях Европейскому Суду заявитель указал, что в конце 1998 года и в начале 1999 года к нему — через В.С., личного знакомого — обращался А.З., лицо, ранее заявителю незнакомое. А.З. попросил его обеспечить оправдание в судебном порядке некоего третьего лица и предложил ему за это взятку в размере трёх тысяч долларов. Заявитель первоначально отказывался от этого предложения, но впоследствии согласился после того, как А.З. обращался с этим предложением несколько раз.

12. Государство-ответчик указало, что В.С. и А.З. обратились к заявителю и обсуждали с ним условия взятки по своей личной инициативе, не уведомив об этом сначала соответствующие органы расследования. Государство-ответчик утверждало, что А.З. подозревал заявителя в получении взяток в прошлом.

13. В неуказанный в материалах дела день А.З., который на самом деле был сотрудником Службы специальных расследований [*Specialiųjų tyrimų tarnyba*] (далее — ССР) — подразделения Министерства внутренних дел Литовской Республики¹ по борьбе с коррупцией, поставил в известность своё руководство о том, что заявитель согласился принять взятку.

14. 26 января 1999 г. ССР обратилась к заместителю Генерального прокурора Литовской Республики² с ходатайством о даче санкции на использование имитационной модели уголовно наказуемого деяния (далее — модель; см. пункт 32 настоящего постановления). В ходатайстве указывалось:

«Старший комиссар полиции [Г.М.], начальник оперативного управления [ССР], на основании данных, касающихся преступных действий [заявителя], установил, что [заявитель] получает взятки, поскольку он дал согласие помочь обвиняемому [М.Н.] в обмен на деньги.

В ходе использования имитационной модели уголовно наказуемого деяния, целью которого является установление, фиксация и пресечение незаконных действий [заявителя], сотрудник ССР [А.З.] передаст ему 12 000 лит, при необходимости, в иностранной валюте.

Использование [модели] потребует, чтобы [А.З.] сымитировал уголовно наказуемые деяния, предусмотренные статьями 284 и 329 [Уголовного кодекса].

В соответствии со статьёй 11 Закона «Об оперативной деятельности» <...> нижеподписавшийся просит заместителя Генерального прокурора санкционировать использование имитационной модели уголовно наказуемого деяния в течение одного года.

Настоящее ходатайство основано на информации, полученной в ходе дознания».

15. 26 января 1999 г. ССР направила письмо на имя заместителя Генерального прокурора, описывая модель следующим образом:

«Сотрудники [ССР] собрали оперативную информацию, свидетельствующую о том, что [заявитель] берёт взятки.

В ходе использования имитационной модели уголовно наказуемого деяния, целью которого является установление, фиксация и пресечение незаконных действий [заявителя], сотрудник ССР [А.З.], сымитирует уголовно наказуемые деяния, состоящие в предложении взятки и нарушении правил о валюте и ценных бумагах.

Ввиду вышеизложенного и в соответствии со статьёй 11 Закона «Об оперативной деятельности» прошу Вас дать санкцию на использование имитационной модели уголовно наказуемого деяния и тем самым исключить уголовную ответственность [А.З.] за совершение преступлений, предусмотренных статьями 284 и 329 [Уголовного кодекса], которое будет сымитировано.

[Модель] будет использована сотрудниками ССР на основании отдельного плана оперативных действий.

Финансирование использования [модели] будет осуществляться за счёт средств ССР».

16. 27 января 1999 г. заместитель Генерального прокурора выдал требуемую санкцию, поставив свою подпись и скрепив её государственной печатью на вышеуказанном письме. Этот документ являлся окончательным вариантом использования модели.

17. 28 января 1999 г. заявитель принял от А.З. 1500 долларов.

18. 11 февраля 1999 г. А.З. вручил заявителю дополнительную сумму в 1000 долларов.

19. В тот же день Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело в отношении заявителя за получение взятки — преступление, предусмотренное статьёй 282 Уголовного кодекса Литовской Республики³ в редакции, действовавшей в то время.

20. 17 марта 1999 г. Генеральный прокурор Литовской Республики⁴ уволил заявителя с его должности прокурора по основаниям, связанным с коррупцией. Со ссылками на соответствующие положения Закона Литовской Республики «О прокуратуре» Генеральный прокурор указал, что заявитель был уволен с должности за дис-

¹ Далее — МВД Литвы (примечание редакции).

² Далее — заместитель Генерального прокурора (примечание редакции).

³ Далее — УК Литвы (примечание редакции).

⁴ Далее — Генеральный прокурор (примечание редакции).

циплинарный проступок и деятельность, дискредитирующую органы прокуратуры.

21. В неуказанный в материалах дела день предварительное следствие по делу в отношении заявителя было завершено, и дело было передано в Каунасский окружной суд. В ходе судебного разбирательства заявитель признал себя виновным, но утверждал, что он, совершая преступление, поддавался сильному давлению со стороны А.З.

22. 18 июля 2000 г. заместитель Генерального прокурора разрешил судье Каунасского окружного суда раскрыть детали того, как была использована модель «при условии, что это не причинит вреда интересам» граждан и правоохранительных органов, участвовавших в операции.

23. 29 августа 2000 г. Каунасский окружной суд признал заявителя виновным в получении от А.З. взятки на сумму 2500 долларов в нарушение статьи 282 действовавшего в то время УК Литвы и назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок 19 месяцев и шесть дней. Суд также распорядился о конфискации его имущества в размере 625 лит. Суд счёл установленным, во-первых, что А.З. дал заявителю взятку во время их встреч 28 января и 11 февраля 1999 г. в обмен на обещание, что заявитель поспособствует в уголовном деле против третьего лица и, во-вторых, что А.З. вступил в контакт с заявителем через В.С. и вёл через последнего переговоры по поводу взятки.

24. Выводы Каунасского окружного суда главным образом основывались на показаниях А.З. и на негласно произведённых записях его бесед с заявителем. Суд также допросил А.П., прокурора, работающего в той же районной прокуратуре, где работал заявитель; показания А.П. ограничились подтверждением того, что заявитель занимался уголовным делом в отношении третьего лица (М.Н.), на которое указал А.З. В.С. не был вызван в судебное заседание для дачи показаний, поскольку его место жительства было неизвестно, но его показания, зафиксированные в ходе предварительного следствия, были оглашены в судебном заседании. Однако Каунасский окружной суд не принял во внимание эти показания при определении виновности заявителя. Приговор суда не содержал какого-либо обсуждения вопроса о санкционировании и использовании модели.

25. 26 октября 2000 г. Апелляционный суд по жалобе заявителя оставил без изменения приговор суда первой инстанции, установив, что по делу не было никакого подстрекательства к совершению преступления и что органы расследования не оказывали никакого активного давления на заявителя с тем, чтобы тот совершил преступление.

26. 23 ноября 2000 г. заявитель подал кассационную жалобу. Опираясь, в частности, на постановление Конституционного суда Литовской Республики¹ от 8 мая 2000 г. (см. ниже, пункт 34 настоящего постановления), он утверждал, что не существует никаких законодательных положений, позволяющих органам расследования подстрекать или провоцировать лицо к совершению преступления. В этой связи заявитель указал, что он несколько раз безуспешно просил суд первой инстанции и Апелляционный суд рассмотреть вопрос о влиянии, которое оказали А.З. и В.С. на его предрасположенность совершить преступление. Он далее жаловался на то, что нижестоящие суды не приняли во внимание тот факт,

что А.З. является сотрудником полиции, а не частным лицом. Заявитель утверждал, что А.З. подстрекал его принять взятку. Более того, он заявил, что в его случае у органов расследования не было никакого веского основания начинать легендированную операцию и что они вышли за пределы своих обычных следственных полномочий, склоняя его к совершению преступления. Он также указал, что В.С. не был допрошен в ходе судебного разбирательства.

27. 27 февраля 2001 г. Верховный суд Литовской Республики² оставил кассационную жалобу заявителя без удовлетворения своим определением, которое содержало следующие соображения:

«В материалах дела нет никаких доказательств того, что [заявитель] был лишён свободной воли или она иным образом была ограничена таким образом, что он не мог избежать совершения незаконных действий. [А.З.] не приказывал [заявителю] вмешаться в производство по делу в интересах третьего лица, предлагая взятку, и не угрожал ему. Он устно попросил его оказать помощь в прекращении производства по делу [в отношении третьего лица] <...>. К. Раманаускас понимал, что эта просьба незаконна <...> [и] окружной суд поэтому был прав, признав его виновным <...>.

[Заявитель] оспаривает законность использования [модели] <...>, указывая, что дело является очевидным примером подстрекательства [*kurstymas*] со стороны сотрудников спецслужб к получению взятки <...>. [Он утверждает, что по закону] санкция на использование имитационной модели уголовно наказуемого деяния не может быть выдана в отсутствие доказательств подготовки к совершению преступления или совершения преступления. По этой причине, как он полагает, такой порядок выдачи санкции не может преследовать цель подстрекательства какого-либо лица или лиц к совершению преступления. Если модель используется с этой целью, то она незаконна, [и] информация, полученная таким образом, не может быть принята в качестве доказательства <...>. Модель не может быть санкционирована и не может использоваться, если только лицо не планировало совершить преступление или не совершает преступление, доказательства чего должны быть представлены прокурору <...>. Из материалов дела усматривается, что [В.С.] и [А.З.] обратились к [органам расследования] после [своей первоначальной] встречи с К. Раманаускасом, в ходе которой он в принципе дал согласие на то, что выполнит требуемые действия за 3000 долларов <...>. Соответственно, санкционировав использование модели, [органы расследования] просто присоединились к преступному деянию, которое уже совершалось.

<...>

В материалах дела не содержится никаких доказательств, что [В.С.] является сотрудником спецслужб <...>. [А.З.] работает в ССР водителем полицейского автомобиля <...>, но это не значит, что он не может действовать как частное лицо. Нет никаких доказательств того, что [В.С.] и [А.З.] вели переговоры с К. Раманаускасом по указанию полиции. Было, однако, установлено, что [В.С.] и [А.З.] передали ему деньги по распоряжению полиции.

Суд считает, что провокация [*provokacija*] к совершению преступления схожа с подстрекательством [*kurstymas*], но не равнозначна ему <...>. Провокация

¹ Далее — Конституционный суд (примечание редакции).

² Далее — Верховный суд (примечание редакции).

представляет собой форму подстрекательства к совершению преступления, состоящую в том, чтобы поощрить лицо совершить преступление <...>, влекущего уголовную ответственность так, что оно может подвергнуться уголовному преследованию в этой связи. Хотя такие действия морально предосудительны, термин “провокация” не используется ни в уголовно-процессуальном законодательстве, ни в Законе “Об оперативной деятельности” от 22 мая 1997 г. <...>. С юридической точки зрения, провокация не является обстоятельством для освобождения от уголовной ответственности лица, которое тем самым склоняется к совершению преступления <...>.

Поскольку в материалах дела содержатся противоречивые доказательства, касающиеся действий [В.С.] и [А.З.] до того, как было санкционировано использование имитационной модели уголовно наказуемого деяния, то трудно установить, кто был подстрекателем [*iniciatorius*] дачи и получения взятки или, другими словами, кто кого подстрекал давать или получать взятку. [В.С.] <...> указал, что после того, как он обратился к К. Раманаускасу, чтобы попросить его посодействовать прекращению уголовного дела [в отношении третьего лица], К. Раманаускас первый сказал, что он мог бы уладить вопрос за 3000 долларов. Со своей стороны [А.З.] <...> заявил, что К. Раманаускас сказал, что прекращение дела будет стоить 3000 долларов США. В своих показаниях К. Раманаускас утверждал, что [В.С.] спросил его, будет ли 3000 долларов достаточной суммой для прекращения дела. В этих обстоятельствах нельзя сказать с какой-либо определенностью, кто был подстрекателем, а также невозможно установить, что [В.С.] и [А.З.] подстрекали К. Раманаускаса принять взятку. Более того, нет никаких оснований для вывода о том, что [В.С.] и [А.З.] спровоцировали совершение К. Раманаускасом преступления в виде получения взятки. Можно только определенно сказать, что инициатива [*iniciatyva*] обратиться к К. Раманаускасу с тем, чтобы дело [в отношении третьего лица] было прекращено, исходила от [А.З.]

Однако суд считает, что ответ на вопрос о том, действительно ли какое-либо лицо склоняло [*palenkė*] или иным образом подстрекало [*sukurstė*] другое лицо к предложению или принятию взятки не имеет значения для правовой квалификации действий [заявителя]. Подстрекательство [*kurstymas*] к совершению преступления является одной из различных форм соучастия. В разделе уголовного права, касающегося соучастия, подстрекательство к совершению преступления является одной из форм преступного сговора. Лицо, совершающее преступление вследствие подстрекательства, несёт уголовную ответственность так же, как и лицо, действующее по своей воле <...>. Даже предполагая, что [В.С.] и [А.З.] подстрекали К. Раманаускаса принять взятку, необходимо подчеркнуть, что это подстрекательство было в форме предложения, а не угрозы или шантажа. Он поэтому мог (и должен был) отклонить незаконное предложение <...>. Как следует из показаний К. Раманаускаса, он осознавал характер действий, которые его просили выполнить, и принял [взятку] по собственной воле <...>.

В то же время следует отметить, что характерной особенностью взятничества как преступления является то, что одна сторона неизбежно является подстрекателем [*kurstytojas*] к совершению преступления. Должностное лицо, вымогающее взятку, является подстрекателем по смыслу положений статьи 284 [действовавшего в то время Уголовного кодекса Литовской Республики; далее — УК], поскольку оно подстрекает

[*kursto*] другое лицо дать ему взятку в нарушение этой статьи. [Лицо] предлагающее взятку должностному лицу неизбежно является подстрекателем по смыслу положений статьи 282 УК, поскольку, делая это предложение, оно подстрекает должностное лицо принять взятку, то есть совершить преступление, предусмотренное этой статьёй <...>. Как лицо, предлагающее взятку, так и лицо, принимающее взятку, действуют по своей воле <...> и поэтому могут выбирать между возможными вариантами своих действий. Лицо, которое умышленно выбирает незаконный вариант, имея возможность противостоять подстрекательству, справедливо несёт уголовную ответственность, независимо от внешних факторов, которые могли повлиять на этот выбор <...>».

28. 27 марта 2001 г. заявитель начал отбывать назначенное ему наказание в виде лишения свободы. Он содержался в исправительном учреждении до 29 января 2002 г., когда он был условно досрочно освобождён от отбывания наказания.

29. Более того, запрет на его работу в юридической сфере был отменён в июле 2002 г. В январе 2003 г. его судимость была погашена.

II. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

30. УК Литвы, который действовал в период времени, фигурирующий по делу, предусматривал уголовную ответственность за получение взятки (статья 282), дачу взятки (статья 284) и нарушение правил о валюте и ценных бумагах (статья 329).

31. Статья 18 УК Литвы, который действовал в период времени, фигурирующий по делу, и статья 24 УК Литвы в его нынешней редакции (действует с 1 мая 2003 г.) предусматривают, что подстрекательство к совершению преступления является одной из возможных форм соучастия в преступлении и наказывается наряду с другими формами соучастия в совершении преступления (пособничество, организация совершения преступления, непосредственное совершение преступления). Эти нормы определяют подстрекателя [*kurstytojas*], как лицо, которое склоняет [*palenkė*] другое лицо к совершению преступления. Термин *kurstymas* (который также переводится, как «подстрекательство к совершению преступления») обычно используется в национальной правовой доктрине для определения понятия соучастия.

32. Закон Литовской Республики «Об оперативной деятельности» [*Operatyvinės veiklos įstatymas*] был принят в 1997 году и оставался в силе до 27 июня 2002 г. Часть 12 статьи 2 данного Закона определяла «имитационную модель уголовно наказуемого деяния» [*Nusikalstamos veikos imitacijos elgesio modelis*] как совокупность действий, создающих элементы состава преступления, санкционированных в целях защиты интересов государства, общества или личности.

Часть 2 статьи 4 Закона разрешала проводить «оперативные мероприятия» по смыслу положений Закона в тех случаях, когда:

- (а) органы расследования не имели сведений о личности человека, который готовится совершить или совершил тяжкое преступление;
- (б) органы расследования получили «проверенную предварительную информацию» о преступном деянии;
- (с) органы расследования получили «проверенную предварительную информацию» об участии лица в преступной организации;

(д) органы расследования имели подозрения относительно деятельности иностранных спецслужб; или
(е) обвиняемый, подсудимый или осужденный скрылся от правосудия.

Части 2 и 3 статьи 7 Закона предусматривали, что органы расследования могли прибегнуть к использованию модели только в одном из вышеперечисленных случаях и к тому же только при условии соблюдения требований статей 10 и 11 Закона.

Статьи 10 и 11 Закона уполномочивали Генерального прокурора или его заместителя санкционировать использование имитационной модели уголовно наказуемого деяния по ходатайству полиции или органов расследования. Ходатайство о выдаче санкции должно включать, среди прочего, указание на пределы действий, которые предполагалось имитировать (то есть правовую квалификацию действий, которые предполагалось предпринять, согласно конкретной норме УК Литвы) и цель операции, включая промежуточные и конечные цели.

Части 1 и 3 статьи 8 Закона обязывали органы расследования обеспечивать защиту лиц от активного давления, направленного на совершение преступления против их воли.

Часть 3 статьи 13 Закона предусматривала право оспорить законность доказательств, полученных с помощью специальных методов.

33. По итогам судебного разбирательства, результатом которого стало дело «Пацевичюс и Багдонас против Литвы» [*Pacevičius and Bagdonas v. Lithuania*] (жалоба № 57190/00, исключена из списка подлежащих рассмотрению Европейским Судом дел 23 октября 2003 г.), Апелляционный суд вынес постановление от 29 апреля 1999 г., указав среди прочего:

«Статья Закона “Об оперативной деятельности” определяет [имитационную модель уголовно наказуемого деяния] как совокупность действий, создающих элементы состава преступления, санкционированных в целях защиты интересов государства, общества или личности <...>. Использование модели может быть санкционировано только для проведения операций [полицией] и не распространяется на лиц, которые совершают преступления.

В ходатайстве [полиции о выдаче санкции на использование модели в настоящем деле] указывалась цель планируемой операции, а именно — установление всех лиц, участвующих в сети по торговле [людьми].

Конечно, сотрудники [полиции] не могли предвидеть, кто будет принимать участие в этом преступлении <...>. Одна из целей [прокуратуры] при санкционировании использования модели заключалась в том, чтобы установить личности членов преступной организации».

В определении от 12 октября 1999 г. по тому же делу Верховный суд постановил следующее, что касается использования полицейских агентов, снабженных оперативной легендой:

«На момент совершения преступления [заявители] не были осведомлены о проводимой операции. Они были убеждены в том, что они участвуют в торговле людьми, которые незаконно пересекли границу Литвы. Поскольку статья 82-1 Уголовного кодекса Литовской Республики предусматривает, что данное преступление считается совершённым в тех случаях, когда доказан прямой умысел, ошибка [заявителей] относительно характера совершаемого ими деяния не имеет отношения к правовой квалификации их действий. Поскольку они

были убеждены в том, что они участвуют в торговле [людьми], их действия объективно отвечают признакам преступления, предусмотренного статьёй 82-1 <...>. Их действия поэтому были справедливо квалифицированы как законченное преступление. Санкция, выданная компетентным органом [на использование модели], имела единственной целью узаконить действия сотрудников полиции, принимавших участие в торговле людьми».

34. 8 мая 2000 г. Конституционный суд постановил, что Закон «Об оперативной деятельности» в целом соответствует Конституции Литовской Республики. Конституционный суд постановил, в частности, что модель представляет собой конкретную форму оперативной деятельности, в которой используются разведывательные и иные конспиративные методы при расследовании организованной преступности и иных тяжких преступлений. Конституционный суд подчеркнул, что использование в оперативной работе негласных методов как таковых не противоречит Европейской конвенции о правах человека и самой Конституции страны, коль скоро такие методы основаны на нормах законодательства, которые ясно сформулированы, и их действие предсказуемо, а сами эти методы пропорциональны преследуемой государством правомерной цели. Конституционный суд установил, что Закон «Об оперативной деятельности» предусматривал чёткое определение пределов и порядка использования различных форм оперативной деятельности, включая модель.

Ссылаясь, в частности, на дело «Тейксеира де Кастро против Португалии» [*Teixeira de Castro v. Portugal*] (постановление Европейского Суда от 9 июня 1998 г., Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1998-IV), Конституционный суд подчеркнул, что имитационная модель уголовно наказуемого деяния не может быть использована с целью подстрекательства к совершению преступления [*kurstoma*] или провокации преступления [*provokuojama*], к исполнению которого ещё не приступили. Он далее постановил, что данный метод оперативного расследования не допускает, чтобы сотрудники полиции подстрекали бы к совершению преступления лицо, которое отказалось от замысла совершить преступление. Конституционный суд добавил, что, санкционируя использование модели и используя её, соответствующим органам и их агентам, снабженным оперативной легендой, запрещается «присоединяться к преступным действиям, совершение которых уже началось, но ещё не завершилось». Конституционный суд подчеркнул, что в обязанность судов общей юрисдикции, рассматривающих дела, в которых фигурируют обвинения в подстрекательстве к совершению преступления или в иных нарушениях использования модели, входит установление по каждому отдельному делу, не вышли ли органы расследования за правовые рамки того, что было санкционировано при использовании модели.

Конституционный суд также указал, что санкционирование использования модели не означает открытую лицензию для сотрудника полиции или третьего лица, выступающего в качестве агента полиции, снабжённого легендой, совершить преступление, но просто узаконивало — с точки зрения национального законодательства — акты, совершение которых может оказаться для агента необходимым при имитации преступления. Основная цель оперативной деятельности, включая использование модели, состоит в способствовании расследованиям по уголовным делам, и в этой связи расследования относятся к надзорной компетенции как прокуратуры, так и судов. Соответственно,

модель не требует судебной санкции, но просто санкции прокурора. Конституционный суд далее заметил, что негласные аудио- и видеозаписи разговоров, проводимые в рамках оперативной деятельности согласно Закону «Об оперативной деятельности», не требуют судебной санкции, и это вполне согласуется с Конституцией. Согласно части 1 статьи 10 Закона «Об оперативной деятельности» только прослушивание телефонных переговоров и электронное наблюдение с использованием стационарного оборудования требуют получения санкции суда.

III. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

35. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (документ Совета Европы ETS № 173, от 27 января 1999 г.) в статье 23 предусматривает, что каждая сторона этой Конвенции принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться, включая меры, допускающие использование специальных методов расследования в соответствии с национальным законодательством, в целях обеспечения возможностей для содействия сбору доказательств в этой сфере.

Пояснительная записка к данной Конвенции далее конкретизирует, что к «специальным методам расследования» могут относиться использование агентов, снабженных оперативной легендой, прослушивание телефонных переговоров, перехват телекоммуникационных сообщений и внедрение в компьютерные системы.

В статье 35 указывается, что данная Конвенция не затрагивает прав и обязательств, вытекающих из многосторонних международных конвенций по специальным вопросам.

36. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (документ Совета Европы ETS № 141, от 8 ноября 1990 г.) в статье 4 предусматривает, что каждая сторона этой Конвенции рассматривает вопрос о принятии законодательных и других необходимых мер, позволяющих ей использовать специальные методы расследования, облегчающие идентификацию и розыск доходов, а также сбор соответствующих доказательств.

37. Использование специальных методов расследования, таких как контролируемая поставка товара в контексте борьбы с незаконным оборотом наркотических препаратов, предусматривается также в статье 73 Конвенции о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 г. между правительствами государств экономического союза Бенилюкс, Федеративной Республики Германии и Французской Республики о постепенной отмене проверок на общих границах, подписанной в г. Шенгене 19 июня 1990 г.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

38. В своих представлениях Европейскому Суду заявитель указал, что его подстрекали совершить уголовно наказуемое деяние в нарушение его права на справедливое судебное разбирательство, гарантируемое пунктом 1 статьи 6 Конвенции, соответствующая часть которого предусматривает:

«Каждый <...> при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое <...> раз-

бирательство дела <...> независимым и беспристрастным судом <...>».

A. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы заявителя, изложенные в его представлениях Европейскому Суду

39. В своих представлениях Европейскому Суду заявитель указал, что его право на справедливое судебное разбирательство было нарушено, поскольку его подстрекали к совершению преступления, которое он никогда не совершил бы, не участвуя в этом («агенты-провокаторы»).

40. Заявитель утверждал, что органы расследования несли ответственность за действия А.З. и В.С. В своём определении по настоящему делу Верховный суд признал, что А.З. в действительности является сотрудником специального подразделения МВД Литвы по борьбе с коррупцией (ССР) и подстрекал к совершению преступления. Заявитель утверждал, что органы расследования не могли на законных основаниях утверждать, что они просто «присоединились» к совершению уголовно наказуемого деяния, спровоцированного одним из своих сотрудников, и настаивал на том, что они должны признать полную ответственность за действия А.З., произведённые им до выдачи санкции на использование имитационной модели уголовно наказуемого деяния. В любом случае, все его встречи с А.З. — как до, так и после выдачи санкции на использование модели — имели место по инициативе последнего, как о том свидетельствуют записи телефонных звонков А.З. заявителю. Заявитель соответственно указал, что преступление не было бы совершено без участия со стороны органов расследования.

41. Заявитель далее жаловался на то, что национальные суды не дали адекватный ответ на вопрос об ответственности органов расследования за использование провокации с целью побудить его к совершению преступления. Он указал, что, организовав его контакт с А.З., В.С. сыграл решающую роль в использовании модели, в результате чего заявитель принял взятку. Заявитель утверждал, что В.С. был давнишним осведомителем полиции, как это подтверждается тем фактом, что в этом деле полиция разрешила ему действовать в качестве своего агента, снабжённого легендой. Из этого заявитель заключил, что допрос В.С. в судебном заседании имел бы решающее значение в установлении, подстрекали ли заявителя совершить преступление и что нежелание властей вызвать В.С. в качестве свидетеля в суд нарушило соответствующие положения статьи 6 Конвенции. Рассматривавший дело суд не пытался установить, сотрудничал ли В.С. с органами расследования. Заявитель поэтому утверждает, что таким образом он был лишен права на справедливое судебное разбирательство в нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции.

2. Доводы государства-ответчика, изложенные в его представлениях Европейскому Суду

42. В своих представлениях Европейскому Суду государство-ответчик указало, что, поскольку Суд не является неким «судебным органом четвёртой инстанции», он не правомочен рассматривать жалобы заявителя, которые имеют отношение главным образом к вопросам факта и к применению норм национального законодательства.

43. Государство-ответчик указало, что в любом случае органы расследования не подстрекали заявителя совершить преступление и что модель, являющаяся предметом его жалоб, не нарушила его права, предусмотренные статьёй 6 Конвенции.

44. В этой связи государство-ответчик указало, что В.С. и А.З. вошли в контакт с заявителем и вели с ним переговоры о взятке по своей личной инициативе, не проинформировав об этом сначала соответствующие органы расследования. Использование модели, о которой идёт речь по делу, было санкционировано позже — с тем, чтобы защитить фундаментальные интересы общества — на основании представленной А.З. предварительной информации, подтверждающей предрасположенность заявителя к получению взятки. Государство-ответчик утверждало, что, санкционируя и используя обжалуемую заявителем модель, прокурорско-следственные органы преследовали единственную цель «присоединения» к преступлению, которое заявитель планировал совершить вместе с В.С. и А.З., действовавшими по собственной инициативе и «в качестве частных лиц». Органы расследования не могут нести ответственность за любые действия В.С. и А.З., совершённые до того, как была санкционирована обжалуемая процедура.

45. Государство-ответчик добавило, что только А.З. действовал в качестве агента органов расследования, снабжённого легендой, поскольку санкция на использование модели была выдана на его имя. Государство-ответчик указало, что до обращения за выдачей санкции ССР тщательно проверила информацию, представленную А.З. о преступных склонностях заявителя, и решила, что эта информация подтверждается другими уже имеющимися в ССР данными. Органы расследования составили чёткий оперативный план использования модели, точно устанавливающий характер и пределы мероприятий, которые они собирались провести. Государство-ответчик заявило, что оно не может представить Европейскому Суду копию этого плана действий или любые другие данные из оперативного дела ССР в отношении заявителя, поскольку оно было уничтожено по истечении пятилетнего срока, предусмотренного ведомственными правилами МВД Латвии о хранении секретных материалов. Однако государство-ответчик заверило Суд, что по всем делам подобного рода Генеральный прокурор или его заместитель тщательно изучают оперативное дело ССР в отношении подозреваемых прежде, чем выдать санкцию на использование имитационной модели уголовно наказуемого деяния.

46. Государство-ответчик утверждало, что данное преступление в любом случае было бы совершено, участвуя в нём органы расследования или нет, поскольку даже до того, как было санкционировано использование модели, заявитель был явно предрасположен совершить преступление. В поддержку этого довода государство-ответчик заметило, что после того, как было санкционировано использование модели, заявитель тотчас же принял предложение взятки, поступившее от А.З. в устной форме, и что органы расследования не подвергали его каким-либо угрозам или иным формам противозаконного давления.

Вина заявителя усугубляется тем обстоятельством, что, будучи сотрудником правоохранительных органов, он прекрасно понимал, что его действия были противоправными. В заключение, в отличие от вышеупомянутого дела «Тейксе́йра де Кастро против Португалии» в настоящем деле не было подстрекательства к нарушению закона.

47. Учитывая все эти обстоятельства, государство-ответчик заключило, что заявителю было предоставлено справедливое судебное разбирательство.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

48. Заявитель жаловался на использование доказательств, полученных в результате подстрекательства со стороны полиции к совершению преступления, в ходе производства уголовного дела в его отношении в нарушение его права на справедливое судебное разбирательство.

1. Общие принципы

49. В первую очередь, Европейский Суд замечает, что он осознаёт присущие полиции трудности, связанные с поиском и сбором доказательств в целях выявления и расследования преступлений. Для выполнения этой задачи полиции во всё возрастающей степени приходится прибегать к использованию агентов, снабженных оперативной легендой, осведомителей и негласных методов оперативной работы, в особенности в борьбе с организованной преступностью и коррупцией.

50. Более того, коррупция — включая коррупцию в правоохранительных и судебных органах — стала одной из главных проблем во многих странах, о чём свидетельствует Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (см. выше, пункт 35 настоящего постановления). Этот документ разрешает применение специальных методов расследования, таких, как использование агентов, снабженных оперативной легендой, что может оказаться необходимым для сбора доказательств в данной сфере, при условии соблюдения прав и обязанностей, вытекающих из международных многосторонних конвенций, касающихся «особых вопросов», например прав человека.

51. При этом использование специальных методов расследования, в частности легендированных операций, не должно само по себе нарушать право на справедливое судебное разбирательство. Однако, учитывая возможную опасность подстрекательства со стороны полиции к совершению преступления, вытекающую из использования таких методов, их использование должно быть ограничено чёткими рамками (см. ниже, пункт 55 настоящего постановления).

52. В этой связи, следует ещё раз подчеркнуть, что функция Европейского Суда в соответствии со статьёй 19 Конвенции состоит в обеспечении соблюдения обязательств, взятых на себя государствами — участниками Конвенции. Допустимость доказательств является в основном вопросом, подлежащим регламентации национальным законодательством, и, как правило, именно национальные суды должны оценивать представленные им доказательства. Европейский Суд со своей стороны должен установить, что производство по уголовному делу в целом, включая вопрос о способах получения доказательств, было справедливым (см. среди других источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 23 апреля 1997 г. по делу «Ван Мехелен и другие заявители против Нидерландов» [*Van Mechelen and Others v. the Netherlands*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1997-III, с. 711, § 50; постановление Европейского Суда от 9 июня 1998 г. по делу «Тейксе́йра де Кастро против Португалии», Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1998-IV, с. 1462, § 34; решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 73557/01, поданной Модесто Секейра [*Modesto Sequeira*] против Португалии, Сборник постановлений и решений Европейского Суда

по правам человека [ECHR] 2003-VI; а также решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 67537/01, поданной Джоном Джеймсом Шэнноном [John James Shannon] против Соединенного Королевства, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-IV). В данном контексте задача Суда состоит не в определении того, что отдельные доказательства были получены незаконным путём, а в том, чтобы выявить, была эта «незаконность» результатом нарушения других прав, защищаемых Конвенцией.

53. Говоря более конкретно, Конвенция не исключает возможности использования на стадии предварительного расследования таких источников, как анонимные осведомители, в тех случаях, когда этого требует характер расследуемого преступления. Однако последующее использование таких источников судом первой инстанции для осуждения лица в уголовном порядке — совсем другой вопрос; это допустимо только при наличии адекватных и достаточных гарантий против злоупотреблений, в частности, при наличии чёткого и предсказуемого порядка санкционирования, осуществления соответствующих оперативно-следственных мер и контроля над ними (см. постановление Европейского Суда от 26 октября 2006 г. по делу «Худобин против России» [Khudobin v. Russia] (жалоба № 59696/00), § 135, а также, *mutatis mutandis*¹, постановление Европейского Суда от 6 сентября 1978 г. по делу «Класс и другие заявители против Германии» [Klass and Others v. Germany] серия «А», № 28, с. 24–26, § 52–56). Несмотря на то, что рост организованной преступности требует от государства принятия адекватных мер, право на справедливое судебное разбирательство, из которого вытекает требование надлежащего отправления правосудия, тем не менее распространяется на все виды уголовных правонарушений — от малозначительных до самых тяжких. Право на справедливое отправление правосудия занимает такое выдающееся место в демократическом обществе, что оно не может быть принесено в жертву соображениям целесообразности (см. постановление Европейского Суда от 17 января 1970 г. по делу «Делькур против Бельгии» [Delcourt v. Belgium], серия «А», № 11, с. 13–15, § 25).

54. Более того, хотя использование агентов, снабженных оперативной легендой, может быть терпимо при условии, что оно обставлено чёткими ограничениями и гарантиями, интересами общества нельзя оправдывать использование доказательств, полученных в результате полицейского подстрекательства к совершению преступления, поскольку с самого начала это влечёт за собой риск окончательного лишения обвиняемого права на справедливое судебное разбирательство (см. среди других источников по данному вопросу упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Тейксейра де Кастро против Португалии», с. 1462–1464, § 35–36 и 39; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Худобин против России», § 128; а также постановление Европейского Суда по делу «Ванян против России» [Vanuyan v. Russia] (жалоба № 53203/99), § 46–47, 15 декабря 2005 г.).

55. Полицейское подстрекательство к совершению преступления имеет место в тех случаях, когда участвующие в нём сотрудники — будь-то сотрудники спецслужб или лица, действующие по их указанию, — не ограничиваются по сути пассивным расследованием преступной деятельности, а оказывают такое влияние на объект рас-

следования, чтобы подстрекать его к совершению преступления — которое иначе не было бы совершено — с тем, чтобы можно было бы установить факт преступления, то есть получить доказательства и возбудить уголовное преследование (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Тейксейра де Кастро против Португалии», с. 1463, § 38, а также в качестве примера противоположной ситуации — решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 58753/00, поданной компанией «Еврофинаком» [Eurofinacom] против Франции, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-VII).

56. В упомянутом выше постановлении по делу «Тейксейра де Кастро против Португалии» (с. 1463, § 38) Европейский Суд установил, что два сотрудника полиции не ограничились «по сути пассивным расследованием преступной деятельности г-на Тейксейра де Кастро, но оказывали на него влияние таким образом, чтобы подстрекать его к совершению преступления». Суд постановил, что их действия вышли за рамки полномочий агентов, снабженных оперативной легендой, поскольку они подстрекали к совершению преступления, и не имелось оснований предполагать, что без их участия оно было бы совершено (там же, с. 1464, § 39).

При вынесении этого заключения Европейский Суд подчеркнул ряд обстоятельств, в частности тот факт, что участие двух сотрудников полиции в совершении преступления не было частью операции по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, санкционированной и контролируемой судьей, и что национальные власти, похоже, не имели каких-либо веских оснований подозревать заявителя в том, что он является торговцем наркотиками: у него не было судимостей, и не было никаких оснований предполагать, что он предрасположен к участию в незаконном обороте наркотиков до тех пор, пока с ним не вступили в контакт сотрудники полиции (там же, с. 1463, § 37–38).

Говоря более конкретно, Европейский Суд установил, что не было никаких объективных подозрений, что заявитель связан с какой-либо преступной деятельностью. Не было также и никаких доказательств в подтверждение довода государства-ответчика о том, что заявитель был предрасположен к совершению преступления. Напротив — полиции он был неизвестен, у него не было никаких наркотиков, когда сотрудники полиции хотели их от него получить; соответственно, он мог достать их для них только через знакомого, который получил их от наркодилера, личность которого осталась неизвестной. Хотя г-н Тейксейра де Кастро потенциально был предрасположен к совершению преступления, не имелось никаких доказательств для предположения, что именно он инициировал противозаконное действие до вмешательства сотрудников полиции. Европейский Суд поэтому отверг различие, проводимое властями Португалии между созданием преступного умысла, который ранее отсутствовал, и выявлением латентного, ранее существовавшего преступного умысла.

57. Используя такие же критерии, в упоминавшемся выше постановлении по делу «Ванян против России» Европейский Суд установил факт нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с проверочной закупкой наркотиков, которая, как он установил, была подстрекательством к совершению преступления. Хотя операция, о которой шла речь по данному делу, выполнялась частным лицом, действовавшим в качестве

¹ Mutatis mutandis (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

агента, снабжённого легендой, она на самом деле была организована органами расследования и проходила под их контролем.

58. В упоминавшемся выше решении по жалобе «Еврофинаком» Европейский Суд, подтверждая вышеизложенные принципы, постановил, что предложения сотрудникам полиции услуг, связанных с проституцией, сделанных им лично, не были в подлинном смысле подстрекательством к совершению компанией-заявителем преступления, связанного с извлечением доходов от аморальной деятельности, поскольку в то время, когда делались такие предложения, полиция уже располагала информацией о том, что база данных компании-заявителя использовалась проститутками для подыскания потенциальных клиентов.

59. В упоминавшемся выше решении по жалобе Сейкейры Европейский Суд установил, что не имело место полицейское подстрекательство к совершению преступления; при этом Суд основывал свой вывод на следующих соображениях:

«В настоящем деле национальными судами было установлено, что А. и С. начали сотрудничать с управлением уголовного розыска в том момент, когда заявитель уже вступил в контакт с А. с целью организации отправки партии кокаина в Португалию. Более того, с этого момента деятельность А. и К. находилась под контролем управления уголовного розыска; при этом прокуратура была уведомлена об этой операции. Наконец, у органов расследования имелись веские основания подозревать заявителя в желании организовать операцию по сбыту наркотиков. Эти обстоятельства обуславливают чёткое различие между настоящим делом и делом «Тейксейра де Кастро против Португалии» и демонстрируют, что А. и С. не могут считаться агентами-provокаторами. Как было указано национальными судами — как и в деле «Люди против Швейцарии» [*Lüdi v. Switzerland*, постановление Европейского Суда от 15 июня 1992 г., серия «А», № 238] — их деятельность не выходила за рамки деятельности агентов, снабженных оперативной легендой».

60. Европейский Суд также постановил, что в тех случаях, когда обвиняемый утверждает, что его подстрекали к совершению преступления, суды по уголовным делам должны тщательно изучать материалы дела, поскольку для того, чтобы судебное разбирательство было справедливым по смыслу положений пункта 1 статьи 6 Конвенции, все доказательства, полученные в результате полицейского подстрекательства к совершению преступления, должны быть исключены из рассмотрения судом. Это особенно касается случаев, когда полицейская операция проходила в отсутствие достаточной правовой основы и адекватных гарантий (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Худобин против России», § 133–135).

61. Наконец, в тех случаях, когда информация, предоставленная следственно-прокурорскими органами, не даёт Европейскому Суду возможности прийти к выводу, был ли заявитель объектом полицейского подстрекательства к совершению преступления или нет, чрезвычайно важно, чтобы в каждом деле Суд исследовал бы порядок принятия решений по жалобам на подстрекательство к совершению преступления с тем, чтобы гарантировать, что права, связанные с осуществлением защиты, надлежащим образом ограждены, в част-

ности — право на состязательное судопроизводство и равенство процессуальных возможностей сторон (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эдвардс и Льюис против Соединенного Королевства» [*Edwards and Lewis v. the United Kingdom*] (жалобы № 39647/98 и 40461/98), § 46–48, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-X, а также, *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда от 16 февраля 2000 г. по делу «Джэспер против Соединенного Королевства» [*Jasper v. the United Kingdom*] (жалоба № 27052/95), § 50 и 58).

2. Применение данных принципов в настоящем деле

62. Из доказательств по настоящему делу усматривается, что ходатайство о выдаче санкции на использование имитационной модели уголовно наказуемого деяния вместе с просьбой об освобождении А.З. от уголовной ответственности были направлены ССР 26 января 1999 г. когда А.З. уже вошёл в контакт с заявителем с помощью В.С., а заявитель явно согласился способствовать в признании третьего лица невиновным в обмен на взятку в 3000 долларов. В изложении государства-ответчика последовательность событий свидетельствует о том, что В.С. и А.З. действовали по собственной личной инициативе, без предварительного уведомления органов расследования. Санкционировав и используя модель, утверждает государство-ответчик, прокурорско-следственные органы лишь имели цель установить преступление, которое заявитель уже планировал совершить. Поэтому власти государства-ответчика не виновны в подстрекательстве к совершению преступления.

63. Европейский Суд не может согласиться с такой мотивировкой. Национальные власти не могут быть освобождены от ответственности за действия сотрудников полиции, просто заявив, что, хотя и выполняя полицейские функции, сотрудники «действовали в личном качестве». Особенно важно, чтобы органы расследования несли ответственность, поскольку начальный этап операции, а именно действия, осуществлённые до 27 января 1999 г., проходил в отсутствие какой-либо законодательной регламентации и без какой-либо судебной санкции. Более того, выдав санкцию на использование модели и освободив А.З. от всякой уголовной ответственности, прокурорско-следственные органы узаконили предварительный этап операции *ex post facto*¹ и воспользовались его результатами.

64. Более того, не было представлено никаких удовлетворительных объяснений, какими причинами или личными мотивами мог бы руководствоваться А.З., обратившись к заявителю по собственной инициативе, без уведомления своего руководства, или почему его не преследовали в уголовном порядке за его действия на этом предварительном этапе операции. На сей счёт государство-ответчик просто сослалось на то обстоятельство, что все соответствующие документы были уничтожены.

65. Отсюда вытекает, что литовские власти несут ответственность в соответствии с нормами Конвенции за действия А.З. и В.С. до санкционирования использования модели. Постановить иначе означало бы открыть путь для злоупотреблений и произвола, позволяя обходить соответствующие принципы с помощью «приватизации» полицейского подстрекательства к совершению преступления.

¹ *Ex post facto* (лат.) — после свершившегося факта (примечание редакции).

66. Европейский Суд должен поэтому изучить вопрос, были ли оспариваемые заявителем действия, приписываемые государственным органам, подстрекательством к совершению преступления, запрещённым статьёй 6 Конвенции.

67. Чтобы установить, ограничились ли А.З. и В.С. «по сути пассивным расследованием преступной деятельности», Европейский Суд должен принять во внимание следующие соображения. Во-первых, нет никаких доказательств того, что заявитель ранее совершал какие-либо преступления, в частности, преступления, связанные с коррупцией. Во-вторых, как это явствует из записей телефонных звонков, все встречи между заявителем и А.З. происходили по инициативе последнего — этот факт, как представляется, противоречит доводам государства-ответчика о том, что заявитель не подвергался какому-либо давлению или угрозам со стороны органов расследования. Напротив — посредством контакта, установленного по инициативе А.З. и В.С., они, похоже, заявителя явно побудили совершить уголовно наказуемое деяние, хотя и не имелось никаких объективных доказательств, кроме слухов, что он намеревался заняться такой преступной деятельностью.

68. Этих соображения достаточно для Европейского Суда, чтобы прийти к выводу, что действия указанных двух лиц выходили за рамки просто пассивного расследования существующей преступной деятельности.

69. Статья 6 Конвенции соблюдается только в том случае, если заявитель имеет эффективную возможность поднять вопрос о подстрекательстве к совершению преступления в ходе судебного разбирательства, будь то посредством заявления процессуального возражения или иным образом. По этой причине для этих целей недостаточно — вопреки тому, что утверждает государство-ответчик — соблюдения общих гарантий, таких как равенство процессуальных возможностей сторон или права, связанные с осуществлением защиты.

70. Именно стороне обвинения надлежит доказать, что не было факта подстрекательства к совершению преступления, при условии, что утверждения обвиняемого не являются полностью неправдоподобными. В отсутствие таких доказательств, именно судебные органы должны изучить обстоятельства дела и принять необходимые меры для установления истины с тем, чтобы определить, имело ли место подстрекательство к совершению преступления. Если судебные органы определяют, что подстрекательство имело место, то они должны сделать выводы в соответствии с Конвенцией (см. прецеденты Европейского Суда, упоминаемые в пунктах 49–61 настоящего постановления).

71. Европейский Суд отмечает, что на протяжении всего производства по делу заявитель утверждал, что его подстрекали к совершению преступления. Соответственно, национальные прокурорско-следственные органы и суды должны были, по крайней мере, провести тщательную проверку — как на самом деле и призывал Конституционный суд в своём постановлении от 8 мая 2000 г. — не вышли ли органы расследования за рамки, допустимые имитационной моделью уголовно наказуемого деяния (см. выше, пункт 14 настоящего постановления); иными словами, подстрекали ли они к совершению преступления. Для этого надлежало было, в частности, установить причины проведения операции, степень участия полиции в совершении преступления и характер любого подстрекательства к совершению преступления или давления, которому подвергался заявитель. Это было особенно важно с учётом того факта, что В.С., который первоначально познакомил А.З. с заявителем и который,

похоже, играл важную роль в событиях, предшествующих даче взятки, так и не был вызван в судебное заседание в качестве свидетеля по данному делу, поскольку его не удалось найти. Заявитель должен был бы иметь возможность в судебном заседании заявить свою позицию по каждому из этих вопросов.

72. Однако национальные власти отрицали, что имело место какое-либо полицейское подстрекательство к совершению преступления и не предприняли никаких шагов на судебном уровне, чтобы провести углубленное изучение утверждений заявителя на сей счёт. Говоря более конкретно, национальные власти не предприняли никаких попыток выяснить ту роль, которую играли участники настоящего дела, в том числе причины, по которым на предварительном этапе А.З. проявил личную инициативу, несмотря на то обстоятельство, что осуждение заявителя в уголовном порядке было основано на доказательствах, полученных в результате полицейского подстрекательства к совершению преступления, в отношении чего он жаловался.

Более того, Верховный суд установил, что нет никакой необходимости исключать из рассмотрения судом такие доказательства, поскольку они подтверждают вину заявителя, которую он сам признаёт. После того, как его вина была установлена, вопрос, оказывалось ли какое-либо внешнее влияние на его намерение совершить преступление или нет, стал не относящимся к делу. Однако признание в совершении преступления, совершённого в результате подстрекательства к совершению преступления, не может исключить ни факт такого подстрекательства, ни его последствия.

73. В заключение, памятуя о важности и сложности задачи расследования преступлений, Европейский Суд считает — с учётом вышеизложенного — что результатом действий А.З. и В.С. было подстрекательство заявителя к совершению преступления, за совершение которого он был осуждён в уголовном порядке и что нет никаких указаний на то, что преступление было бы совершено без их участия. С учётом такого участия и использования данного факта в обжалуемом уголовном деле судебное разбирательство по уголовному делу в отношении заявителя было лишено справедливости, требуемой статьёй 6 Конвенции.

74. Посему властями государства-ответчика было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПОДПУНКТА «d» ПУНКТА 3 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

75. Заявитель далее в своей жалобе указал, что по его делу принцип равенства процессуальных возможностей сторон и права, связанные с осуществлением защиты, были нарушены в том смысле, что в ходе судебного разбирательства ни суд, ни участники процесса не имели возможности допросить В.С., одного из двух агентов, снабженных оперативной легендой, работавших по делу. Заявитель утверждал, что по делу было допущено нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции; вторая норма предусматривает следующее:

«3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

<...>

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него <...>».

А. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы заявителя, изложенные в его представлениях Европейскому Суду

76. В своих представлениях Европейскому Суду заявитель указал, что его права, связанные с осуществлением защиты, были нарушены в том смысле, что в ходе судебного разбирательства ни суд, ни участники процесса не имели возможности допросить В.С. как ключевого свидетеля. Заявитель утверждал, что это является нарушением подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

2. Доводы государства-ответчика, изложенные в его представлениях Европейскому Суду

77. В своих представлениях Европейскому Суду государство-ответчик указало, что подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, как таковой, не гарантирует абсолютное право человека допросить каждого свидетеля, которого обвиняемый желает вызвать в судебное заседание. Государство-ответчик утверждало, что аргументы, выдвинутые заявителем в обоснование своей жалобы на то, что В.С. не явился в судебное заседание, не были убедительными, поскольку суд первой инстанции не обосновывал свои выводы показаниями В.С. Государство-ответчик добавило, что невозможно было обеспечить явку В.С. в судебное заседание, поскольку его место жительства было неизвестно. Государство-ответчик указало, что, в любом случае, заявитель имел возможность оспорить в открытом судебном заседании другие доказательства против него — главным образом показания А.З. и записи его разговоров с заявителем — которыми суд обосновал свой обвинительный приговор. Производство по делу в суде поэтому отвечало принципу состязательности судопроизводства и не нарушало положение Конвенции, на которое ссылается заявитель.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

78. Заявитель жаловался на то, что производство по уголовному делу в отношении него было несправедливым в том смысле, что оказалось невозможным добиться допроса в судебном заседании В.С. как свидетеля обвинения.

79. Европейский Суд считает, что жалоба заявителя в данном её пункте неотделима от его жалобы в пункте, касающемся пункта 1 статьи 6 Конвенции, в той мере, в какой она касается просто одного конкретного аспекта производства по делу, который Суд счёл несправедливым.

80. В заключение, принимая во внимание выводы, изложенные выше, в пунктах 73–74 настоящего постановления, Европейский Суд не считает необходимым рассматривать пункт жалобы заявителя, имеющий отношение к подпункту «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, по вопросу о несправедливости производства по уголовному делу в его отношении.

III. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

81. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает воз-

можность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, при- суждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Вопрос о выплате заявителю компенсации за причинённые ему материальный ущерб и моральный вред

82. Заявитель, во-первых, требовал выплатить ему сумму в размере 123 283 лит 69 центов (приблизительно 35 652 евро) в качестве компенсации потери заработка в период времени с 11 февраля 1999 г. по 29 января 2002 г., рассчитанного на основании ежемесячного должностного оклада в размере 3472 лит 78 центов (приблизительно 1000 евро). Он далее требовал выплатить ему сумму в размере 3524 лит 60 центов (приблизительно 1021 евро) в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесённых им в ходе производства по делу в национальных судах, включая 3500 лит (приблизительно 1013 евро 67 центов), выплаченных в качестве вознаграждения адвокатам. Наконец, он требовал выплатить ему сумму в размере 625 лит (приблизительно 181 евро) в качестве компенсации конфискованного имущества и сумму в размере 420 лит (приблизительно 121 евро) в качестве возмещения расходов на перевод документов.

83. Заявитель также требовал выплатить ему сумму в размере 300 000 лит (приблизительно 86 755 евро) в качестве компенсации за причинённый ему моральный вред в связи с проводившейся против него кампании в средствах массовой информации, ущербом его репутации и чувством тревоги, которое он испытывал в течение десяти месяцев своего содержания под стражей.

84. Соглашаясь с тем, что заявитель был уволен из прокуратуры приказом Генерального прокурора, изданным 17 марта 1999 г., государство-ответчик просило Европейский Суд принять во внимание тот факт, что заявитель сам просил о своей отставке в заявлении от 9 марта 1999 г., тем самым заявив о намерении покинуть свой пост. Соответственно, требование заявителя о выплате ему компенсации потери заработка является необоснованным.

В любом случае, требования заявителя в этой части являются чрезмерными, поскольку они исходят из ежемесячного должностного оклада (3472 лита 78 центов), тогда как его чистая заработная плата составляла 2400 лит 47 центов.

85. Что касается судебных расходов и издержек, понесённых заявителем в ходе производства по делу в национальных судах, государство-ответчик указало, что возмещать их не следует.

86. В отношении вопроса о компенсации морального вреда государство-ответчик заметило, что заявитель не установил наличие причинно-следственной связи между предполагаемым вредом и нарушением Конвенции. В любом случае требуемая сумма компенсации чрезмерна.

87. Европейский Суд считает, что было бы справедливым присудить заявителю выплату компенсации ущерба и вреда. Документы в материалах дела свидетельствуют о том, что заявитель не был бы лишён свободы или уволен со своей должности в прокуратуре, если подстрекательство к совершению преступления, о котором идёт речь по делу, не имело бы места. Потеря им заработка действительно имела место, и государство-ответчик этого не оспаривает.

При количественной оценке причинённого заявителю ущерба Европейский Суд считает, что он должен также принять во внимание часть судебных расходов и из-

держек, понесённых заявителем в ходе производства по делу в национальных судах в той степени, в какой они были понесены в целях возмещения ущерба от установленного Судом нарушения Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 27 марта 2003 г. по делу «Дактилиди против Греции» [*Dactylidi v. Greece*] (жалоба № 52903/99), § 61, а также постановление Европейского Суда от 19 апреля 1994 г. по делу «Ван де Хурк против Нидерландов» [*Van de Hurk v. the Netherlands*], серия «А», № 288, с. 21, § 66).

Суд также считает, что заявителю, несомненно, был причинён моральный вред, который не может быть компенсирован простой констатацией факта нарушения Конвенции.

88. Учитывая разнообразие факторов, которые надлежит принять во внимание в целях подсчёта размера причинённого заявителю ущерба и вреда, и принимая во внимание характер дела, Европейский Суд считает необходимым присудить — на основе принципа справедливости — совокупную сумму с учётом различных соображений, приведённых выше (см., *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда от 28 мая 2002 г. по делу «Бейелер против Италии» [*Beyeler v. Italy*] (вынесено по вопросу о выплате справедливой компенсации) (жалоба № 33202/96), § 26). Суд поэтому присуждает выплатить заявителю сумму в размере 30 000 евро в качестве компенсации за причинённый ему ущерб и вред, включая возмещение судебных расходов и издержек, понесённых им в ходе производства по делу в национальных судах, к чему надлежит прибавить сумму любого налога, подлежащего уплате с указанной суммы.

В. Процентная ставка при просрочке платежей

89. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. постановил, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции;

2. постановил, что нет необходимости рассматривать пункт жалобы заявителя, имеющий отношение к подпункту «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции;

3. постановил,

(а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев сумму в размере 30 000 (тридцати тысяч) евро в качестве компенсации причинённого ущерба и вреда, к чему надлежит прибавить сумму налога, подлежащего уплате с указанной суммы. Данная сумма подлежит переводу в литовские литы по курсу, действующему на день выплаты;

(б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанной суммы на неё начисляются и подлежат выплате заявителю штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента;

4. оставил без удовлетворения остальные требования заявителя о выплате ему справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и французском языке и оглашено в открытом заседании Европейского Суда в составе Большой Палаты во Дворце прав человека, г. Страсбург, 5 февраля 2008 г.

Майкл О'Бойл,
заместитель
Секретаря-Канцлера
Европейского Суда
по правам человека

Николаас Братца,
Председатель
Большой Палаты
Европейского Суда
по правам человека

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»